

Вслед за Вэйшэном он отправился в горы за хворостом. Стояла осень — благодатная пора, когда дичь нагуливает больше всего жиру. Вэйшэн прихватил с собой самодельный лук и стрелы, явно горя нетерпением поохотиться. Сам Цан Доушань сто лет не держал в руках оружия; пальцы одеревенели, тетива не слушалась, и он раз за разом пускал стрелы мимо улепетывающих зайцев, за что напарник осыпал его язвительным хохотом.

Охота затянулась с утра до самых сумерек. На двоих они добыли столько, что хватило бы на два тяжелых коромысла. Прикрываясь тем, что Цан Доушань теперь, видишь ли, целый заклинатель, Вэйшэн бесцеремонно взвалил на него львиную долю добычи. Под этим весом у парня едва не трещали кости, а плечи ныли так, словно на них водрузили гору.

Из-за непомерной ноши они доползли до деревни лишь глубокой ночью. Едва завидев околицу, Цан Доушань замер в изумлении: всегда погруженная во тьму Байшуй сейчас мерцала россыпью огоньков, будто в какой-то праздничный вечер.

— Что сегодня за день? — спросил он.

— Понятия не имею, — безучастно отозвался Вэйшэн.

Цан Доушань насторожился. Он взгляделся во тьму и сделал несколько быстрых шагов вперед. Теперь эти далекие искорки проступили отчетливее: никакие это были не праздничные огни. То тлели угли на пепелищах разрушенных жилищ.

Сбросив с плеч тяжелую ношу, Цан Доушань сорвался с места.

— Эй! Тебе-то какое дело?! — донесся сзади истошный крик Вэйшэна.

Но Цан Доушань его уже не слышал. Он едва перешагнул порог ступени Открытия Духовных Врат, но даже этой малости хватало, чтобы превзойти в выносливости любого смертного. Сделав глубокий вдох, он помчался во весь дух и меньше чем через три полета стрелы уже дышал на окраине деревни.

И тут же наткнулся на мертвеца. Едва уловимый, сладковатый душок разложения уже успел приманить мух, чье противное жужжание нарушало ночную тишь.

Кругом чернели лишь обугленные развалины. На рухнувшей потолочной балке, едва колеблясь под порывами ночного ветра, угасал сиротливый язычок пламени. Цан Доушань опустился на колено и осторожно коснулся огня духовным восприятием. Разум обожгло слабой, чистой болью.

Обычный огонь. Никакой магии.

Он невольно расслабился и горько усмехнулся. Глупо было паниковать. Если бы те

преследовавшие его чернокнижники вышли на след, им бы не понадобилось жечь дома и резать скот. Достаточно было мимолетного импульса божественной воли, чтобы накрыть всю округу и выковырять его из любой щели.

Он двинулся дальше вглубь деревни. Трупов становилось все больше. Они лежали в самых нелепых, изломанных позах — мужчины, женщины, старики. Каждому перерезали горло одним чистым, точным ударом. Разлившиеся вокруг лужи крови уже успели запечься и превратиться в черную, растрескавшуюся корку.

— Ай-яй-яй, халупы-то сгорели! И где нам теперь спать ложиться? — слышался неторопливый шаг Вэйшэна.

Тот причитал о беде, но в его тоне не улавливалось ни капли сострадания. Цан Доушань покосился на него: на лице спутника застыло абсолютное, пугающее равнодушие.

— Твоих рук дело? — глухо спросил он.

Вэйшэн прищурился с насмешкой:

— Моих? С чего бы? Я пальцем никого не тронул.

Цан Доушань не нашел, что ответить.

— Ладно, давай лучше найдем, где приткнуться на ночь, — лениво перешагивая через лежащего ничком покойника, бросил Вэйшэн.

Хижина самого Вэйшэна превратилась в груды пепла. Из уцелевших строений лучшим оказался дом с обвалившейся наполовину крышей. Внутри чудом уцелела колченогая лежанка. Вэйшэн тут же бесцеремонно плюхнулся на нее и с ухмылкой спросил:

— Тебе соломы на пол натрясти, устроишься?

— Не нужно, — покачал головой Цан Доушань.

— Ну да, — зевнул тот. — Ты ж у нас теперь бессмертный мастер, тебе небось кости греть на досках не положено.

На самом деле заклинатели, не достигшие сферы Двух Рыб, нуждались и в пище, и в обычном сне ничуть не меньше простых смертных. Но Цан Доушань не стал тратить слова на объяснения. Он молча смотрел сквозь прореху в потолке на холодные звезды.

— Это правда не ты? — не выдержав, спросил он снова.

Вэйшэн раздраженно дрыгнул ногой. Обгорелый щепок отлетел от кровати и с сухим стуком покатился по полу.

— Да сдался я тебе! В голове у тебя опилки, что ли? Повторяю в последний раз: на дворе смута. Мало ли в каких глухих углах шайки разбойников вырезают деревни под корень? Обычное дело. Нам радоваться надо, что под горячую руку не попали, а ты тут тоску нагоняешь. Все равно от этой дыры одни угли остались. Ступай на все четыре стороны, если так хочется, я тебя за полы не держу.

Помолчав немного, он добавил тише:

— Считаешь меня тварью бездушной? Твое право. Я такой, какой есть. Эти люди меня за человека не считали, попрекали, что я проклятый выродок, несчастья приношу. Мы друг другу никто — ни родичи, ни друзья. С какой стати мне над их костями слезы лить?

Цан Доушань смолк. Возразить было нечего. Поразмыслив, он выдавил из себя сухое:

— Прости.

Вэйшэн не упустил случая съязвить:

— Куда уж мне, сирому, ваши извинения принимать. Больно вы птица важная.

Вэйшэн тут же пожалел, что сорвался и испортил разговор. Ссориться сейчас было не с руки, так что оставалось только притвориться, будто ничего не произошло. Он отвернулся к стене, собираясь заснуть, как вдруг Цан Доушань произнес:

— Если ты действительно хочешь ступить на путь совершенствования... способ есть.

Вэйшэн замер.

«А малец-то сговорчивый, — промелькнуло у него в голове. — Быстро понял, как со мной надо разговаривать».

Он лениво повернулся обратно:

— О как? Ну выкладывай, послушаю.

— Когда-то в округе Шаньнань я обустроил тайную делянку, — Цан Доушань искоса наблюдал

за выражением лица собеседника. — Засадила ее редкими травами. К этому времени они должны были созреть, если только никто на них не наткнулся. Все равно нам больше негде жить. Как только сообщим властям о резне в Байшуй, можем отправиться туда. Отыщем то, что поможет тебе пробить забитые меридианы, а излишки продадим. Денег хватит, чтобы обосноваться в каком-нибудь приличном месте.

— Толк-то от них будет? — хмыкнул Вэйшэн.

— Должен быть. Редкие травы высокой ступени способны сотворить чудо даже для простого человека и пробить застои в восьми чудесных каналах. Конечно, все зависит от врожденных свойств тела, но... это лучше, чем ничего, верно?

Голос Цан Доушаня журчал тихим, вкрадчивым ручейком, источая почти осязаемый соблазн.

— К тому же, я припрятал там кое-какие ценности, которые мне пока без надобности. Их можно выгодно продать.

Вэйшэн резко повернулся на бок и презрительно фыркнул:

— Власти? Какие еще власти! Тебе делать нечего? Через Байшуй постоянно шныряют чужаки. Кто-нибудь наткнется на покойников и доложит в уезд без нас. Какое дело уездным чинушам до двух оборванцев? Придешь ты в ямы судейские, а тамошние служаки решат, что малец их разыгрывает. Всыплют тебе сначала двадцать палок для острастки, а потом и слушать не станут! Будет тебе наука, как соваться не в свое дело. Решено: завтра на рассвете уходим в уездный город. А до этих гниющих кусков мяса нам дела нет.

Договорив, он укутался в лохмотья и отвернулся. Цан Доушань так и застыл с полуоткрытым ртом, онемев от подобного цинизма.

В душе его боролись глухое раздражение и невольная усмешка.

«И смех и грех, — подумал он. — Наживку-то заглотил, паршивец, хоть и ломается».

Но согласиться с его рассуждениями Цан Доушань не мог.

Он прекрасно понимал, что этот мир катится в бездну хаоса, а в преддверии великой смуты уездные управы всегда гниют с головы и являют собой образец абсолютного беззакония. И все же оставлять десятки тел гнить под открытым небом было безумием — не пройдет и недели, как округа задохнется от мора.

Цан Доушань принял решение. Он сделает вид, будто уступил. Завтра они доберутся до ближайшего городка под предлогом найма повозки, а там он найдет способ ускользнуть от Вэйшэна и достучаться до властей.

С этой мыслью он сделал глубокий вдох, но тут же поморщился: в ночном воздухе уже отчетливо проступала вязкая, сладковатая вонь.

Вэйшэн ухитрялся мирно спать даже в такой обстановке, но для Цан Доушаня это было свыше сил. Он поднялся и ушел на каменистую возвышенность с наветренной стороны, чтобы погрузиться в медитацию.

На следующее утро Вэйшэн, потянувшись, обнаружил, что мальчишки и след простыл. Он выбрался на улицу и после недолгих поисков заметил Цан Доушаня на холме. Тот сидел со скрещенными ногами, прикрыв глаза и полностью отрешившись от суетного мира. Тревожить его Вэйшэн не стал и молча вернулся назад.

За ночь зловоние усилилось. Поморщившись, Вэйшэн провозился около часа, оттаскивая подальше от их временного пристанища раздувшиеся тела.

Перед этим он не поленился обшарить карманы мертвецов, но мародеры сработали чисто — у крестьян не осталось даже медного гроша. Грязно выругавшись, Вэйшэн бросил это бесполезное занятие. Он набрал древесного угля, закопал в него несколько клубней батата и высек искру кресалом. Когда угли подернулись ровным багровым жаром, он уселся рядом, лениво щурясь на солнце и борясь с дремотой.

Едва утренние сумерки сменились ярким рассветом, Цан Доушань открыл глаза — сегодня он очнулся раньше обычного. Ночная медитация почти не принесла плодов. Из-за жестокой резни, осквернившей эти земли, окружающая духовная энергия пришла в смятение; она бурлила и металась, не позволяя сосредоточиться.

Выдохнув застоявшийся воздух, он спустился к полуразрушенному дому. При свете дня картина предстала во всем своем ужасе: беспорядочно разбросанные тела были облеплены черной копошащейся массой муравьев. Тучи жирных зеленых мух с гулом кружили над гниющим мясом, а на ветвях обгоревших вязов истошно орали вороны, шумно хлопая тяжелыми крыльями. Смердело невыносимо.

За свою долгую жизнь Цан Доушань пролил немало крови и видел поля сражений, устланные костями, но его нынешнее детское тело отреагировало инстинктивно — к горлу подкатил кислый ком. Он судорожно вздохнул, зажав рот ладонью, и сделал несколько глубоких вдохов через силу, пытаясь унять дрожь. Происходящее казалось странным: почему ночью он оставался совершенно спокоен, а при свете дня разум дал слабину?

— Вэйшэн! Вэйшэн, ты где?

Дремавший у костра юноша вскинулся, сладко зевнул и потянулся к лежащей рядом палке, чтобы разворошить угли. Но едва его пальцы коснулись дерева, как он почувствовал противное шевеление. Вся палка была усыпана муравьями.

— Твою ж дивизию! — взвыл Вэйшэн, подпрыгнув на месте чуть ли не на три чи.

— Чего кричишь? — огрызнулся он, брезгливо стряхивая насекомых и колотя концом палки по земле. Когда большая часть муравьев разбежалась, он поддел угли, вытащил из золы дымящиеся клубни и крикнул: — Садись жрать!

Цан Доушань устроился напротив. Вэйшэн ловко перебросил ему один из клубней. Батат обжигал пальцы; мальчик принялся бережно перекатывать его в ладонях, остужая дыханием.

— Сколько у тебя денег? — спросил он между делом.

— А тебе зачем?

— Округ Шаньнань — путь неблизкий. Лучше заранее рассчитать расходы, чтобы не остаться без гроша в дороге.

Вэйшэн самодовольно усмехнулся:

— Не зуди. Нам на все хватит, еще и останется.

Когда кожура батата немного остыла, Цан Доушань принялся неторопливо очищать ее и есть маленькими кусочками.

— А сам чего не ешь? — неразборчиво спросил он с набитым ртом.

— Позже.

Цан Доушань быстро умял первый клубень и, почувствовав, что не наелся, взялся за второй. Вэйшэн тем временем сидел неподвижно, изредка зевая и глядя куда-то сквозь пространство пустым взглядом.

Утолив голод, мальчик подтолкнул его:

— Остынет же. Ешь давай.

Вэйшэн словно очнулся от забытья. Он машинально схватил батат, сжал его в кулаке, и золотистая, исходящая паром мякоть полезла наружу сквозь лопнувшую кожуру.

— Что с тобой? О чем задумался?

— Да так... — Вэйшэн пожал плечами, его голос прозвучал на удивление тихо. — Все-таки больше десяти лет здесь прожил.

Цан Доушань вздрогнул.

— Ты же сам говорил, что тебе все равно, — негромко напомнил он, опустив глаза.

Вэйшэн бросил на него короткий взгляд и горько усмехнулся:

— У меня судьба тяжелая, проклятая. Всех вокруг изживаю. Сам ведь теперь видишь?

— Что планируешь делать дальше? — поспешил сменить тему Цан Доушань. — Для истинного пути совершенствования мало просто открыть меридианы. Понадобится уйма редких средств, пилюль и духовных камней.

— Там видно будет, — отмахнулся Вэйшэн и сгреб оставшиеся клубни в охапку. — Это я забираю. Жди здесь и под ногами не путайся, я быстро соберу пожитки.

С этими словами он скрылся в полуразрушенных сенях.

Цан Доушань проводил его взглядом. Он заметил в остывающей золе еще один крошечный, чудом уцелевший плод. Мальчик вытащил его, обдул от пепла и очистил. Этот маленький батат оказался на удивление сладким и ароматным — куда вкуснее больших клубней.

Едва он доел последний кусочек, как во двор вышел Вэйшэн с потрепанным узелком за плечами.

— Все, двигаем, — коротко бросил он.

— Ты хоть дорогу-то знаешь? — усомнился Цан Доушань.

— Нашел о чем спрашивать, — фыркнул Вэйшэн.

Уезд Аньхуэй хоть и не отличался размерами, но все необходимое для путешественника здесь имелось.

В лавке сонный парень долго водил пальцем по засаленному дорожному свитку. В итоге сошлись на самом разумном маршруте: сначала на повозке до Янчуаня, а оттуда — по реке напрямик до округа Шаньнань. Дальше путь лежал по знакомым Цан Доушаню местам, так что проблем возникнуть не должно было.

Оплатив проезд, Вэйшэн вручил мальчику горсть медных монет и велел купить теплые одеяла, пока сам он будет выбирать съестные припасы в дорогу. На том и разошлись.

Едва фигура Вэйшэна скрылась в торговых рядах, Цан Доушань припустил в другую сторону. Расспросив случайного прохожего, он быстро отыскал дорогу к уездной управе.

У тяжелых ворот управы, лениво прислонившись к столбу, стоял стражник. Цан Доушань решительно подошел к нему:

— Мне нужно заявить о преступлении. В деревне Байшуй, что к западу отсюда, произошла резня. Все жители мертвы.

Стражник медленно открыл глаза, окинул оборванного мальчишку равнодушным взглядом и снова уставился куда-то в пустоту, не проронив ни слова.

Цан Доушаню стало не по себе от такого приема, но он повторил тверже:

— Будь добр, доложи начальству. Пусть уездный судья вышлет людей.

Служака даже не пошевелился. С трудом подавляя закипающий гнев, Цан Доушань стиснул зубы и достал из кармана несколько выданных Вэйшэном монет.

— Послушай, братец, прояви милосердие, — вполголоса заговорил он, протягивая медяки. — Доложи уездному. Там гора трупов, если начнется мор, беды не миновать.

Стражник скосил глаза на его ладонь, презрительно фыркнул и отвернулся, всем своим видом показывая, что жалкие гроши его не интересуют.

Поняв, что спорить бесполезно, Цан Доушань резко развернулся и зашагал прочь. Гнев душил его, требуя выхода. Оказавшись на оживленной рыночной площади, он замер посреди бурлящего людского потока, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце и привести мысли в порядок.

Вдруг среди пестрой толпы он заметил знакомую спину. Силуэт промелькнул и мгновенно растаял среди прохожих.